

Кристина
ЗОРИНА

Матрешки
НА ПОМОЙКЕ
(не) ВАЛЯЮТСЯ

Кристина Зорина

Мажоры на помойке

(не) валяются

<https://litres.ru/74280408>

SelfPub; 2026

Аннотация

Чтобы выиграть пари на тихоню, мне придется прикинуться бомжом!

Мне, тому, кто всегда блистает!

Но этот спор – дело принципа, а я слишком не люблю проигрывать. Так что, Катя Листьева, тебе конец!

– Давай – приз, срок, правила, – Никита протягивает руку.

– Влюбиться в тебя должна, – говорит Егор и сжимает Никитины пальцы. – До визга. У тебя две недели. Играем на твой новый байк. Проиграешь – заберу его на все лето.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	35
Глава 6	44
Глава 7	52
Глава 8	58
Глава 9	63
Глава 10	72
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Кристина Зорина

Мажоры на помойке (не) валяются

Глава 1

– Как же ты достал, Гусев! – стонет Макс, откидываясь на спинку стула и отшвыривая фантик от «Сникерса» с такой яростью, будто он лично в чем-то перед ним виноват. – Как можно быть настолько фартовым?!

Никита, который только что обыграл обоих своих друзей в очередную карточную игру, зажимает в губах зубочистку и языком перебрасывает ее из одного уголка рта в другой.

Он, конечно, мог бы попытаться сдержать улыбку, но зачем? Если он превосходен.

Парни скидывают бабки – на этот раз небольшие – на стол. Никита самодовольно скалится, распахивая их по карманам.

– Ладно, может посерьезнее че замутим? – спрашивает он, убирая карты в сумку.

Парни знают, о чем он. Раз в сезон они выбирают очередную жертву – какую-нибудь вредную старосту или зажатую неформалку, или высокомерную дуру – и на «су-е-фа» разыгрывают, кто будет подбивать к ней клинья. Спорят

обычно на что-то материальное: крупную сумму, новенький PS или билеты на долгожданный матч любимой футбольной команды.

Никита выигрывал три раза из трех, и теперь парни не особо хотят с ними соревноваться.

Егор мотает головой и раскачивается на стуле – то отрыгает от пола передние ножки, то с грохотом ставит обратно.

– Я пас. Ну нафиг. С тобой, Гусев, спорить бессмысленно, тебя телки любят. Ты последнюю за три дня раскатал.

– Ага, а потом три месяца не мог от нее отделаться. Брр! – Никита морщится, вспоминая ту, последнюю.

Ну и стремная же была! Какая-то дикарка с картами таро в сумочке.

– Че, новый спор затеяли? – к ним подсаживается Ванька, рыжая башка.

Иногда Никита и правда не понимает, почему Ванька в их компашке. У него нет бати депутата, да и мама салонами красоты не управляет. Простой пацан, в дешевых шмотках, только как-то подсел он к ним на одной вечеринке и... Оказался в доску своим.

Как будто с ними всегда и был, и даже приколы про его бедность никогда его не задевали.

Вот и сейчас.

Он-то явно спорить не будет, ему нечем крыть. Но от любопытства аж ерзает весь, спинкой вперед разворачивая стул.

– Пока нет, а что, есть предложения? – наклоняется к нему Егор.

Ванька пожимает плечами.

– Может и есть...

Макс хитро прищуривается.

– Ты, Ванёк, кота за бубенцы не тяни уже. Если есть какой сложный вариантик – давай ее Гусеву подкинем. А то он у нас заскучал, смотри...

Ваня смотрит на Никиту, потом – в полупустой пластиковый стаканчик перед собой.

– Только не пяльтесь в три рожи, ага? Там, в углу... С книгой сидит, белобрысая, – сам Ванька не оборачивается, зато парни как один головами вертят в поисках той самой «белобрысой». – Не пяльтесь, я сказал!

Никита находит ее взглядом. С виду – ну девчонка и девчонка, ничего необычного. Даже милая, можно сказать, но в реальной жизни он бы на такую не клюнул, скучная. Простенькое личико обрамляют светлые локоны до плеч, одета тоже в какую-то кофту в цветочек и джинсы. Она через трубочку потягивает сок из стеклянной бутылки, а у самой глаза... Они, короче, по строчкам бегают, как будто ее заколдовали. Выглядит жутко.

– И кто это? – спрашивает Никита, возвращаясь взглядом к Ваньку.

– Катя Листьева. Она в моем дворе живет, я ее знаю.

– И че нам с того, что ты ее знаешь? – насеждает Егор.

Он в последнее время какой-то излишне агрессивный, видно сразу, давно ни с кем не мутит.

– Слушай, ну она, короче, не такая девчонка, как другие. Она к Никитосу в койку в первый же день не прыгнет.

– А прыгнет во второй! – ржет Макс.

– Нет. Сколько ее знаю, ни разу не видел, чтоб у нее парень был или даже подружка. К ней подкатывали – она всех отшивает, напрочь. Ноль шансов. Хотя, девка-то вроде не страшная.

– Верующая, может, какая? – предполагает Егор.

– Или дура, – отмахивается Макс.

Никита снова смотрит на нее. Вокруг нее и правда нет толпы из подружек, все вокруг кучками, парочками, компаниями, а она одна.

А Ванька, тем временем, продолжает рассказ.

– Она вечно со всякими котами, бомжами, бабками возится. По воскресеньям – на рынок с мамой. Приютам помогает...

– С бомжами, говоришь, возится? – спрашивает Никита, задумавшись.

Ванька отхлебывает из стакана сок.

– Ага. Жрать им носит, шмотки всякие таскает... Короче, долбанутая.

– Это называется «доброта», Ванюша, – продолжает подшучивать Макс. – Ты вот в жизни хоть облезлого воробушка накормил? Нет. Поэтому ты в ад попадешь, а Катюша...

Катюша явно в рай метит.

Они дружно смеются, а у Никиты в голове медленно, но верно зарождается идея. Шикарный план, как он может развлечься.

Он поворачивается к Егору, протягивает руку.

– Давай на эту.

Парни, должно быть, считают его идиотом, но Никита просто обожает задачки со звездочкой, с детства! Он может часами сидеть, расписывая формулы, сверяя цифры, а эта задачка... Она как будто красной рамкой обведена, и как же ему пройти мимо?!

Егор поднимает на него взгляд.

– Уверен?

– Ага. Давай – приз, срок, правила. Мне ее в постель за-
тащить или достаточно пососаться?

– Влюбиться в тебя должна, – усложняет Егор и сжимает Никитину руку. – До визга. У тебя две недели. Играем на твой новый байк. Проиграешь – заберу его на все лето.

Никита щурится. Он этот байк еще сам не обкатал, потому что погоды нормальной не было, и вот теперь, когда погода восстанавливается, а до конца сессии всего парочка экзаменов осталось, Егор хочет его забрать?!

Но отступать поздно, сам предложил, так что он стискивает зубы и кивает.

– А если выиграю?

Егор пожимает плечами.

– Назовешь сумму.

– Мне бабки не нужны.

– Тогда желание.

– Не одно, – настаивает Никита. – Станешь моей девочкой на побегушках. На все лето.

Егор закатывает глаза и откидывается, снова раскачивая стул.

Кажется, он не понимает всей серьезности Никитиных намерений.

– Идет.

Онижимают руки – Макс разбивает, а Никита переводит взгляд на девчонку.

Катя Листьева. Его новая сложная задачка.

Глава 2

Дорогие читатели! Огромное спасибо вам за поддержку книги, это продвигает историю и помогает мне расширить аудиторию!

Чтобы поддержать меня, вы можете:

- 1) Поставить книге лайк - кнопка "нравится".
- 2) Добавить историю в библиотеку.
- 3) Оставить комментарий и рассказать о своих впечатлениях.
- 4) Подписаться на мою страницу, чтобы не пропустить новинки.

Спасибо вам за это большое!

А теперь продолжаем знакомиться с нашими героями.

Никита сидит на последнем ряду в большой аудитории и, положив ногу на ногу, делает вид, что что-то пишет в тетради. На самом деле – наблюдает за Катей Листьевой.

Совместных пар с первокурсниками у них нет и быть не может, но общая потоковая лекция – классный вариант открыть слежку. Народу столько, что никто и не заметит затесавшегося на галерку старшекурсника.

Катя сидит через шесть рядов впереди и чуть левее. Пишет. Конспектирует лекцию так, будто от этого зависит ее жизнь. Зажатая в пальцах ручка бежит по странице, как вче-

ра в столовой бегали по книжке ее глаза.

Никита тяжело вздыхает, на секунду отворачивается к окну.

Господи-боже. Еще и зануда, походу. Вот счастье-то.

После звонка он выскальзывает за дверь одним из первых и, поймав за локоть какого-то прыщавого пацана, отводит его в сторону.

– Слышь, – говорит Никита, не тратя время на тупые приветствия. – Ты вон ту девчонку знаешь?

Он кивает на Катю, которая сворачивает к лестнице, на ходу пихая учебник в сумку.

– Н-ну да, – отвечает пацан. – А че тебе?

– Ниче. Она ходит куда-нибудь? На вечеринки там? Может, в кафе или в бар?

Пацан скалится так, что хочется по зубам ему треснуть.

– А че, запал?

– Не твое дело. Так ходит или нет?

– Никуда она не ходит. Только на учебные мероприятия.

– А почему?

Пацан пожимает плечами.

– Говорят, родители строгие. А мне кажется, ей просто такое не нравится...

– Ясно, – Никита трет затылок. – А общается с кем?

– Не очень... Ну, может, с Настей... Немного.

– А Настя у нас кто?

– Староста.

Честно говоря, у Никиты заканчивается терпение – ну ненавидит он из людей по слову выковыривать! Говори сразу все как есть, в чем проблема-то?!

Видимо, он очень уж злобно зыркает на пацана, поэтому тот понимает намек без слов.

Кивает на девушку с длинными черными прямыми волосами, которая последней выходит из аудитории. В глазах у него в это время пляшут сердечки.

Никиту эта сцена заставляет поморщиться.

– Слюни подбери, го-сс-споди, – не выдерживает он.

Пацан фыркает, как девка, и уходит, поправляя лямку рюкзака.

Следующие два дня проходят в постоянной слежке.

Катя оказывается наискучнее-шим персонажем. Лучше б на таро гадала, ей-богу!

Он узнает, что Катя Листьева появляется в университете к первой паре, сидит в библиотеке до трех или четырех, потом либо уходит домой, либо заезжает в какой-то дурацкий благотворительный магазинчик на окраине. Никита сидит в машине через дорогу, смотрит, как она выходит из магазина с пакетом, полным барахла, и чуть не засыпает от скуки.

Зева-ет во весь рот, после чего движется на машине вслед за автобусом, в который Катя запрыгнула почти на ходу. Плется за ним долго, нудно, терпение заканчивается, и, решив,

что разведает адрес завтра у Ваньки, идет на обгон.

На повороте с разгона заезжает в огромную ложу, смеется, когда какой-то мужик на обочине, не успев отпрыгнуть в сторону, получает волной грязной воды в лицо.

Хоть какое-то веселье!

В компании Никита больше не поднимает тему спора. На вопросы Егора и Макса отвечает уклончиво: «Идет работа».

Но решает обзавестись союзником.

Он отводит Ваньку в сторону после пар и шепчет, чтобы не слышали пацаны:

– Мне нужно найти шмотки.

Ванька хлопает глазами.

– Какие шмотки?

– Бомжовские. Дранные, грязные, вонючие, – Никита говорит это сквозь зубы, чувствуя, как его внутренний эстет начинает тихо биться в конвульсиях.

Ванька молчит несколько секунд, потом медленно расплывается в улыбке.

– Ты че, реально собрался под бомжа косить?

– Не тупи. У тебя есть такие или нет?

– Извини, приятель, я хоть и бедный, но мать рьяно следит, чтобы это в глаза не бросалось.

Никита закатывает глаза.

– Может, найдешь? По соседям там... – Ванек вскидывает вверх брови, и Никита вздыхает. – Ну что ты так смотришь?!

У меня из соседей – сын мэра и владелица торгового центра!
А у тебя... Ну, по любому какие-нибудь маргиналы есть...

– Ладно. Поищу. Но смотри, если прям совсем стрем будет – не жалуйся, ясно?

Никита, довольный, кивает.

– Мам, я дома! – Катя снимает кеды в прихожей и относит в комнату пакет.

Оставляет его там, после чего идет на кухню, где мама готовит что-то явно вкусненькое. Запах идет такой, что слюнки текут.

– Как учеба? – спрашивает мама.

– Сейчас, руки помою – расскажу!

Она быстро посещает совмещенную с туалетом ванную и идет помогать маме с обедом.

Она нарезает салат и рассказывает про интересную лекцию по культурологии, о преподавателе, который ее похвалил (а ведь он очень строгий, никогда никого не хвалит!). Также о том, как в библиотеке ее перепутали с какой-то другой девушкой – ей показалось это смешным.

Мама слушает ее, и даже вроде улыбается, но глаза ее очень грустны.

– Мам, – говорит Катя, вздыхая. – Ну, что ты опять? Я же учусь! Другие родители были бы рады...

– Я рада, милая. Рада. Но ты ведь... ТОЛЬКО учишься, понимаешь?

– Неправда! Я еще зашла во «Вторую жизнь», забрала вещи для Павлика.

Мама со вздохом откладывает лопатку, которой помещивала мясо.

– Помогать другим – не плохо. Но и о себе нужно думать.

– Я думаю! Вот – нашла там старый журнал с бисероплетением. Сделаю фенечку на выходных.

Она знает, что маму этим не убедишь.

Знает это, как и то, что материнское сердце страдает, наблюдая за ее одиночеством. Но ведь... Катя не чувствует себя одинокой.

Ей не нужны друзья.

И общение. Ей хватает мамы, бабы Мани из первого подъезда, ее подопечных в приюте для животных и Павлика – он сделал для нее чудесную вазочку из коры.

Павлику тринадцать, у него проблемы со здоровьем, и Катя навещает его каждую неделю, а по ночам мечтает о том, что его сбор на операцию наконец закроют, и Павлик снова сможет вести полноценную жизнь.

А друзья... Ей и без них хорошо.

Мама смотрит в стол, глаза ее наполняются слезами.

– Не все люди плохие. Прошло много времени с того случая, дочь, ты не можешь бояться подпускать к себе людей всю жизнь. Однажды меня не станет. И ты будешь одна.

Катя перехватывает у нее лопатку, целует маму в щеку, и сама принимается помещивать мясо.

– Я не буду одна.

– Ни баба Маня, ни Павлик, ни твои животные, ни даже я не дадут тебе того, что может дать настоящее общение со сверстниками.

– Знаешь, я вчера видела, как парень на дорогой спортивной машине обогнал автобус на повороте – что запрещено ПДД и очень опасно. А еще этот же парень окатил из лужи мужчину, он спокойно шел по тротуару и ничего плохого не сделал. Я... Не хочу общения со сверстниками, мам. Никогда не знаешь, кто из них плохой человек. В тебе, Павлике и бабе Мане у меня сомнений нет. А в животных – тем более!

С этими словами она запихивает попку от огурца в рот, намекая, что разговор окончен.

Глава 3

Утром Ванька появляется в универе с большим черным мешком. Лицо у него при этом такое, будто он несет труп.

– Держи. Но ты должен знать – это собиралось среди такого контингента, что ты бы в обморок упал, – Ванька брезгливо двумя пальцами подталкивает мешок к Никите. – Советую прям здесь не открывать, это то еще оружие массового поражения.

Никита смотрит на этот мешок, и его заранее мутит.

Открыть удастся только после пар. Они с Ваньком находят какую-то забегаловку, в которой всем на всех плевать, запираются в туалете, и Никита развязывает узел на мешке.

Запах ударяет в нос мгновенно – сырость, старая ткань, что-то неуловимо кислое. Он выныривает обратно, как из болота, и несколько раз моргает. Нещадно режет глаза.

Внутри лежит свитер. Когда-то он, может быть, был серым, а теперь представляет собой нечто бесформенное, дырявое, с катышками размером с виноградину. Под ним — штаны с вытянутыми коленями, куртка без молнии, замотанная изолентой, и кроссовки, у которых подошва уже практически полностью отошла.

– Ты издеваешься, – тихо говорит Никита.

– Все по твоему заказу, – Ванька делает шаг назад, будто мешок может за ним погнаться. – Я, кстати, ручаюсь, что это

максимально аутентично. У меня дядька, когда месяц бухал на улице с бомжами – вот так выглядел... И... эм... вонял тоже так же.

Никита смотрит на мешок.

Смотрит на свои кеды за пятьдесят тысяч.

Смотрит на мешок снова.

Потом медленно, очень медленно выдыхает и говорит:

– Ладно. Надеюсь, я не блевану.

Стоять перед мутным зеркалом и натягивать на себя чужую, старую, вонючую одежду — это какой-то новый уровень дна. Но Никита дает себе установку – относиться к этому, как к своему личному вызову.

Конечно! Конечно, можно было не заморачиваться и подойти к Листьевой в универе. Прикинуться дурачком, попросить о помощи в учебе, или в библиотеке к ней подсесть, выбрав умную тему для разговора, но...

Он никогда не ищет легких путей.

Его жизнь и так в последнее время какая-то однообразная, скучная до оскомины, поэтому и тонет в вечных спорах, развлечениях и азартных играх.

Не может без этого.

Когда вокруг тишина, у Никиты на душе паршиво.

А еще есть Егор, который всю прошлую неделю ходил с таким видом, будто уже разминает задницу, чтобы сесть на его байк... И пошел бы он на хрен!

Свитер ужасно колется, даже через футболку. Штаны дер-

жаться на честном слове и веревочке, которую Ванька предусмотрительно засунул в карман. Куртка не застегивается, но это и не нужно — пусть висит.

Кстати, куртка, наверное, когда-то была классной. Никита такие любит — грубая кожа, спортивные логотипы. Правда, сейчас она больше похожа на грудку хламья с оторванными кусками кожи, но вот новая она бы даже ему подошла.

Скорее всего, ее подобрали на какой-то помойке...

Что как раз ему на руку.

Никита смотрит на свое отражение.

Парень в зеркале не имеет ничего общего с Никитой Гусевым, на которого оборачиваются девчонки и... дамы постарше. В зеркале — шокированный оборванец с выпученными глазами и спутанными волосами — волосы он специально взъерошил, как следует.

Он, конечно, еще вымажет лицо и руки в земле, когда выйдет на улицу, но...

Все равно кое-чего не хватает.

— А теперь врежь мне, — оборачивается он к Ваньку.

Ванька моргает.

— Чего?

— Врежь, говорю.

— Не собираюсь я тебя бить!

Никита закатывает глаза. Терпение, которое он культивировал в себе последние три дня, начинает давать трещину.

— Слушай, ну какой бомж без фингала под глазом? Ты хоть

одного такого видел?

Ванька медленно чешет рыжий затылок.

– Ну...

– Ты боишься, что ли? – Никита усмехается. – Не бойся, в ответ не ударю.

– А если сильно получится?

– Не получится. Бей, говорю.

Ванька сжимает кулак. Потом разжимает. Потом снова сжимает.

– Закрой глаза, – говорит он.

– Да ты достал, или бей или...

Ванька бьет.

Не сильно, но сочно. Кулак прилетает в скулу, и Никита отворачивает голову, чувствуя, как по лицу разливается тупая, горячая боль.

Адреналин уж до костей пробирает. Ух, кайф!

– Ну как? – напряженно спрашивает Ванька.

Никита щупает скулу. Кость ноет, под глазом уже начинает пульсировать.

– Еще раз.

– Зачем?!

– Для убедительности. Бей.

Второй удар приходится чуть выше, и у Никиты темнеет в глазах на секунду. Он прислоняется спиной к стене и несколько раз глубоко вдыхает.

– Все, – говорит он сквозь зубы. – Хватит.

Ванька смотрит на него с уважением и ужасом одновременно.

– Гусев, ты псих.

Никита поднимает голову и смотрит в зеркало.

На скуле и под глазом пока просто покраснение, но он знает свое тело... Знает, что кожа нежная, как у девчонки, его иногда пальцем ткнуть страшно – сразу синяк выползает, а тут такое.

Часик-другой и вся эта красота расцветет пышным цветом.

– Идеально, – говорит он. – Теперь слушай план.

План очень простой, но, как говорят классики: «Все гениальное просто».

Катя Листьева прямо сейчас едет домой на автобусе (Никита изучал ее расписание, у нее десять минут назад закончились пары).

Они Ваньком едут в ее двор.

Никита оставляет тачку у подъезда Ванька, а сам идет и осваивается (если это можно так сказать) прямо у ее дома, рядом с мусорным баком.

У него есть все необходимое, чтобы это сработало:

Прикид из новой коллекции «Джорджио Бомжарио».

Расползающийся под глазом фингал.

Дранный пакет, в который он два дня предусмотрительно складывал остатки своей еды – огрызок от яблока, засохшую булку, полупустую пачку от чипсов.

Она должна пройти мимо. Увидеть. Остановиться.

А он должен сыграть.

Сыграть так, как не играл никогда. Не того уверенного в себе Гусева, который щелкает девушек как орешки. А сломленного, затравленного парня, который потерял все. А может, у него ничего и не было.

Никита выходит из кафе и, зацепив пригоршню грязи из растаявшей клумбы, размазывает все это добро по лицу и волосам. Старательно трамбуется грязь под ногти. После чего поворачивается к Ваньке и спрашивает:

– Ну как?

Ванек кивает:

– Класс. Ну и разит от тебя, буэ! Хотя, конечно... Хм... – он прикладывает пальцы к губам, задумавшись.

– Что «Хм»?! – начинает нервничать Никита.

– Зубы у тебя, Гусев, слишком идеальные для бомжа. Выбить бы парочку.

– Ты давай тоже – борщи, да не перебарщивай, – отмахивается Никита и, открыв дверцу машины, садится за руль.

Ванька дико ржет над ним всю дорогу.

Даже на телефон его снимает – чисто бомжара в вонючих шмотках за рулем спорткара за двадцать мульта. Никита и сам никак не может успокоиться, когда в зеркале заднего вида ловит свое лицо.

– Ну и рожа, госсподи.

Синяк становится очевиден как раз в тот момент, когда

они сворачивают во дворы.

Ванёк кивает на свободное парковочное место.

– Вот тут встань.

Никита паркуется, глушит тачку.

– Ну все, – говорит он и тянется за пакетом. – Телефон оставляю в тачке. План сработает – отпишусь.

Ванька вскидывает брови.

– Думаешь, я уйду? Вон там на лавке буду сидеть, наблюдать. Как такое пропустишь?!

И снова ржет, скотина.

На самом деле, как бы Никита не храбрился, у него немного сосет под ложечкой.

Во-первых, его подташнивает от вони, а во-вторых, он в такой ситуации впервые. Нет, он в курсе, что он хороший актер, он даже в театральную студию ходил, когда в школе учился...

Но чтобы вот так в реальности кого-то кардинально другого изображать?

Такого еще не было.

Но он делает глубокий вдох и выходит.

Совсем скоро подъедет Катин автобус, ему нужно занять позицию.

Он находит взглядом мусорные баки. Перехватывает поудобнее пакет и шагает, вживаясь в роль.

Глава 4

Катя выходит из автобуса и, перепрыгивая через вчерашние лужи, спешит домой. Мысли лезут в голову, как сорняки – она заранее составляет план действий на выходные.

Нужно съездить в приют, выгулять собак.

Помочь маме сделать генеральную уборку.

Подготовиться к предстоящему экзамену.

Отобрать книги для Павлика.

Она идет по двору, не глядя по сторонам, знает каждую трещинку в асфальте, каждую лавочку, она родилась и выросла здесь. Ходила в сад на соседней улице, потом – в школу в трех остановках отсюда. Тогда был еще жив отец, он водил старенькую «волгу» и возил ее в зоопарк по воскресеньям.

Потом его не стало. Остались только они с мамой.

Иногда Катя думает о том, какой была бы ее жизнь, если бы папа еще был с ними. Изменилось бы что-то?

Нет, Катя не жалуется на свою жизнь, ей вполне комфортно. Она не окружила себя подругами, не завела компанию, с которой могла бы гулять по вечерам, но это был ее осознанный выбор.

Ее все устраивает.

Даже если мама считает, что это самовнушение.

Катя так глубоко погружается в свои мысли, что вздрагивает, услышав внезапный шум у мусорных баков.

Она вздрагивает, поворачивает голову. И замирает.

Парень. Молодой совсем. Ее ровесник плюс-минус. Он стоит, согнувшись над баком, и копается внутри. Достает какой-то кусок – Катя не сразу понимает, что это, а когда понимает – морщится. Мда, если парень собирается это есть, то нужно остановить его, а он...

Да, точно. Собирается это есть. Зачем бы еще он пихал этот заплесневелый кусок в пакет?

Катя смотрит, как он снова склоняется над баком, и ей становится дурно.

Сердце начинает стучать быстрее. Как и всегда, когда она видит кого-то слабого или нуждающегося. Или человека, лишённого смысла в жизни насильственным путем.

У нее сжимается все в груди, накатывает волной беспокойство.

Она делает глубокий вдох. Ужасно тяжелый, ядовитый запах застарелости и пыли проникает в легкие.

Так, стоп.

Стоп-стоп-стоп.

Нужно немедленно остановить поток мыслей.

Она вспоминает вчерашний разговор с мамой. Тот самый, когда мама сказала: «Ты не обязана спасать весь мир. У тебя своя жизнь». Сказала устало, с глазами, полными слез.

И ее можно понять.

Катя то и дело помогает другим, забыв про сон, еду, свободное время. Она никогда никому не отказывает, готова от-

дать последний кусок хлеба, и однажды, наверное, нуждающихся в ее помощи станет так много, что она просто исчезнет в этой рутине...

Но сейчас...

Сейчас она ничего не может с собой поделать.

Просто не может и все.

Ноги уже идут сами.

Она подходит к бакам, протягивает руку и трогает парня за плечо.

– Эй...

Он оборачивается так резко, будто боится, что его сейчас будут бить. Зеленые глаза быстро скользят по Катину лицу, и тут же исчезают под щеточкой из черных ресниц.

Катя вздрагивает.

Она никогда не делит людей на красивых и некрасивых, никогда не присматривается к лицам, не ищет особенности, она смотрит вглубь, но это лицо...

Такое лицо... Трудно, в общем, не впечатлиться.

Под слоем грязи, саж и синяков прячутся удивительной красоты зеленые глаза, острые, как лезвия, скулы, и подбородок, волевой и крепкий.

Катя несколько секунд смотрит на него, открыв рот, после чего моргает, прогоняя наваждение.

– Ты... тебе нужна помощь? – голос не слушается, фраза выходит чуть хрипловатой.

Парень смотрит на нее. Взгляд тяжелый, уставший, с ка-

ким-то странным... огоньком?

Нет, вряд ли...

– Нет, – отвечает едва слышно.

И отворачивается обратно к баку.

Катя мнетя. Что-то внутри нее сопротивляется такому ответу. Она лезет в карман джинсов, нащупывает смятую сотню.

– Возьми, – протягивает купюру она.

Парень оборачивается снова. Смотрит на деньги, потом – ей в глаза. Она видит эту гордость, это нежелание показаться уязвимым, только вот не понимает, откуда это.

По помойке лазать в поисках еды ему гордость, значит, не мешает, а взять деньги...

Купюру парень все-таки берет.

Отвечает сухо.

– Спасибо.

И возвращается к своему делу.

Кате больно на это смотреть. Ведь парень, честно говоря, не особо похож на бездомного. Скорее – на человека, который стал таким совсем недавно. А это – еще ужаснее.

Те, кто знали другую, хорошую жизнь, бывают абсолютно не готовы к улице. Катя таких встречала. Правда, чаще это были взрослые люди, лишившиеся всего из-за алкоголя, а тут... Молодой совсем.

Он вполне мог бы учиться в ее университете, на другом потоке или даже парой курсов старше...

– Извини, – снова зовет она. – Ты можешь поговорить со мной?

Парень замирает. Потом медленно выпрямляется, поворачивается. Смотрит на нее долго. Катя чувствует себя неловко – не потому, что страшно, а потому, что взгляд у него слишком тяжелый для такого красивого лица.

– О чем? – спрашивает он.

– Не знаю, – честно говорит Катя. – Просто... посиди со мной.

Она опускается прямо на бордюр, наплевав на странные взгляды прохожих. Складывает ладони на коленках. Парень наблюдает за ней, после чего садится тоже. Он опирается спиной о мусорный бак, будто это самое обычное место для разговора.

Вокруг витает запах переполненной мусорки, голову нещадно печет жара.

Скоро лето. Катя любит лето, но... Как она может думать о своих каникулах, когда кто-то ищет на помойке еду, чтобы ночью спокойно спать?

О чем говорить, Катя и сама не знает. Опыт подсказывает, что такие ребята не очень любят допросы о том, что с ними случилось, и как они оказались на улице...

– Как тебя зовут? – спрашивает она.

– Ник...колай, — парень поправляет сползающий с плеча воротник куртки. – А тебя?

– Катя.

Она улыбается и ждет ответную улыбку, но... Ничего. Его взгляд все еще суровый, нахмуренный...

Катя уверена, что он совершенно ничего ей про себя не расскажет и вряд ли этот разговор хоть чем-то закончится. Но Николай вдруг удивляет ее.

Поворачивает голову и говорит:

– Я не всегда такой был, если что, – голос ровный, без надрыва, будто не о себе рассказывает. – Полгода назад отчим выгнал из дома. Мать пьет, даже не заметила, что я ушел...

У Кати внутри все обрывается.

– А друзья? – спрашивает тихо.

– Нету.

– Родственники?

– Тоже. Мы из другого города переехали как раз перед тем, как... Ну, ты поняла.

Катя смотрит на него. На его спутанные волосы, на грязь под ногтями, на расползающийся синяк. На лицо, которое могло бы быть на обложке, если бы жизнь не решила иначе.

– Тебе есть где ночевать?

Николай пожимает плечами.

– Найду.

– Где? – настаивает Катя. – На вокзале? Под мостом?

Молчит. Только терев пальцами дырку на куртке.

Катя смотрит, как тускнеет его взгляд и... Поднимается, вытирая о джинсы вспотевшие ладони.

– Значит так, – говорит она, и голос ее звучит тверже, чем

она сама ожидала. – Сегодня я тебя устрою. А завтра что-нибудь придумаем.

Николай поднимает на нее глаза. В них что-то мелькает – удивление? Недоверие?

Ну конечно, вряд ли он такого ожидал от простой прохожей. Обычно люди либо просто шарахаются от бездомных ребят, либо прогоняют с угрозами.

Но Катя же видит... Видит, что это не алкоголик, не падший на дно человек. Просто парень, молодой совсем, и он... мало чем от нее, Кати отличается. Просто ему некому помочь!

– Не надо, – говорит он. – Я разберусь.

– Это не обсуждается, – отрезает Катя. – Идем.

Она ведет его к подъезду, и Никита едва сдерживает улыбку.

Если честно, ему заорать хочется на всю улицу – ПЛАН СРАБОТАЛ!

И не просто сработал – он сработал идеально!

Катя не только обратила на него внимание, не только заговорила с ним...

Она ведет его. К себе. Домой.

К себе!

Никита уже представляет, как расскажет это пацанам.

Как у Егора вытянется лицо, когда он услышит, что Гусев не просто подкатил к ней и завязал знакомство, а в первый

же день попал к ней домой!

И будет там НОЧЕВАТЬ.

Он краем глаза смотрит на Катю. Она идет быстро, уверенно, даже не оборачивается. Никита старается никак не демонстрировать своей радости – вообще эмоции – это лишнее. Но внутренне он кипит от восторга.

Вот он – азарт! Вот оно – чувство приближающейся победы!

Они заходят в подъезд. Поднимаются на третий этаж. Никита внутренне подбирается – сейчас будет знакомство с мамой? Или мамы нет, и она сейчас совсем одна дома?

Если одна, то это просто джек-пот!

Катя останавливается у квартиры на третьем этаже, но ключи в замок не вставляет.

С силой жмет на кнопку звонка, ждет пару минут, после чего выкрикивает.

– Баба Маня! Баба Маня, откройте, пожалуйста, это я, Катя...

У Никиты все внутри обрывается.

Так она привела его... не домой?

Дверь открывает старуха. Маленькая, сгорбленная, в цветастом халате, с платком на голове. Смотрит на Никиту подслеповатыми глазами, и взгляд у нее такой, будто она уже все про него поняла и ничего хорошего не ждет.

– А это кто? – спрашивает бабка, не здороваясь.

– Баб Мань, это Коля, ему переночевать негде. Можно, он

у вас сегодня останется? Домой мама не пустит. А завтра я что-нибудь придумаю.

Старуха смотрит на Никиту. Долго. Пристально. Никита чувствует себя экспонатом в музее. Или клопом под микроскопом.

– Господи, он где валялся-то?

Она брезгливо морщится, и Никита впервые в полной мере ощущает себя... реальным бомжом.

Этот ее взгляд жестко уязвляет гордость.

На него всегда смотрят с восторгом, благоговением, страхом, на худой конец. Девки взглядами провожают, облизываясь, пацаны – завидуют или набиваются в друзья.

И тут эта...

Бабка Маня, чтоб ее...

– Ну пожалуйста, – Катя сжимает ее руку. – Всего на одну ночь.

Старуха вздыхает. Тяжело, с присвистом.

Потом отходит в сторонку, пропуская их в квартиру.

Честно говоря, Никита (будь он бомжом) с бОльшим удовольствием переночевал бы под мостом, чем в этом ужасе. Тесно, пыльно, ремонта ноль, пахнет старостью и какими-то лекарствами.

Его тут же начинает мутить, и он, разуваясь (повторяя за Катей, сам бы он точно не решился снять тут обувь), размышляет о том, в какое дерьмо он себя загнал.

Он хотел всего лишь познакомиться с ней!

Познакомиться и наметить более подробный план...

Он не планировал ночевать у какой-то бабки!

Никита поворачивает голову и отпрыгивает в ужасе. На стене висит портрет. Эта же бабка, только... Эм... В пиратском костюме?

Похоже, тут та еще психбольница!

– Вон там, в углу, матрас лежит, – она кивает на нечто ужасно грязное на вид. – Еще после прошлого бедолаги остался. В ванную не пушу, мало ли че там у него водится...

Катя оборачивается, смотрит на Никиту и улыбается ему чуть виновато.

– Прости, что так... Но мы утром что-нибудь придумаем.

Никита кивает. Язык будто к небу присох. Он наклоняется и спрашивает у Кати:

– А бабушка не боится с незнакомцем одна на ночь оставаться?

Катя смеется. Ее смех – добрый, звонкий и залиvistый, так чужеродно звучит в этой жуткой квартире.

– Кто, баб Маня? Нееееет! Ее весь двор знает – уж кто-кто, а она себя в обиду не даст.

Становится еще страшнее.

Катя уходит, сказав, что зайдет за ним утром.

Никита считает минуты после ее ухода. Считает, сколько ей будет достаточно, чтобы дойти до дома. Тогда он сможет свалить.

Он уже почти делает шаг на выход, когда вдруг понима-

ет...

А что дальше? Если он свалит сейчас? Что дальше? Снова караулить Катю у помойки? Искать с ней встречи? А тут – готовый план! Она приходит утром, он проводит с ней день, а там... Там придумает что-то, главное, до утра продержаться.

Он снова смотрит на этот матрас, брошенный на пол.

Выглядит он так, что проще просто спать на полу. Что он и делает. Садится вниз, прямо у матраса, подтягивает колени к груди.

Он буквально чувствует, как от него воняет. А еще – он голоден! Конец дня уже, а в последний раз он жрал на большой перемене в столовке!

Бабка, проходя мимо, пихает его ногой, типа – че тут расселся?

Никита скукоживается, позволяя ей пройти.

– Твою мать, – шепчет он в потолок. – Ты реально конченный, Гусев.

Глава 5

Никита не спит той ночью. Вообще.

Трудно себе представить, что должно случиться, чтобы он уснул полусидя на полу, в доме чужой бабки, в вонючих шмотках, от которых чешется все тело.

А еще он очень хочет есть.

Вернее – прям жрать.

Голод – это вообще-то новое для него ощущение. Никита не припоминает, чтобы когда-нибудь по-настоящему хотел есть. В их доме холодильник забит, на карте всегда есть деньги на перекусы, в машине валяются шоколадки и снеки, он... Никогда не ощущал такого острого желания схватить любую, даже самую застарелую еду и отправить в свой рот.

Разумеется, он не стал бы есть заплесневелую корку, которую достал из помойки, но... От простого куска хлеба бы не отказался.

Вторая причина, почему он лежит без сна – синяк, оставленный дружеской рукой Ваньки, жутко болит. К нему бы лед приложить или намазать чем. Кажется, он опухать начинает, и разрастается уже чуть ли ни на все лицо.

А еще очень трудно уснуть, когда хозяйка квартиры всю ночь шарахается мимо, то и дело попинывая его ногами.

Че она бродит? Че ей не спится?

Никитин матрас прямо посреди прихожей лежит, и она

ходит мимо него на кухню.

Никита в какой-то момент даже считать начинает: один раз прошла, два, три.

Вот и сейчас.

Никита слышит, как скрипит на кухне стул, как баба Маня включает там то ли радио, то ли телевизор.

И по квартире начинают разноситься звуки стрельбы и отчаянные крики.

У Никиты мурашки ползут по плечам.

Е-мое.

Бабка решила в ночи посмотреть какой-то военный фильм?

Она реально жуткая.

Никита закрывает глаза, прикидываясь спящим, когда она снова проходит мимо.

И сам себе думает – вот сейчас я уйду.

Все. Пора. Завтра придумаю, как по-другому к Кате подкатить, снова на помойке поселюсь, да что угодно, лишь бы не это!

Но внутри, где-то даже не в грудной клетке, а близко к глотке сидит он... Паскуда такая... Чертов азарт. Который какого-то хрена гораздо сильнее брезгливости и страха. Он разъедает Никитины легкие, и в голове визгом визжит собственный внутренний голос: «Ты не отступишь, Никитос! Ты не отступишь!»

– Задачка со звездочкой, блин, – шепчет он сам себе и

широко, как маньяк, улыбается с закрытыми глазами.

Утро не наступает слишком долго. Никите даже кажется, что, возможно, оно уже наступило, просто из-за того, что у бабки в квартире темень, этого не видно. А где тогда Катя? Забыла про него? Вот Ванька поржет, когда поймет, что Никита ночевал в этой стремной хате совершенно зря!

Наконец, когда он уже теряет всякую надежду, раздаётся звонок в дверь.

Никита аж вздрагивает от радости. Ура, свобода!

Бабка, шаркая тапками по деревянному полу, идет открывать. Никита встает, поправляя вещи (как будто это им как-то поможет).

Катя – как лучик солнца – появляется в прихожей и буквально освещает ее своей улыбкой.

Никита все еще не считает ее какой-то особенной, не надо тут думать... Он просто дико рад видеть кого-либо, кроме жуткой бабки.

– Привет! – улыбается она, и Никита встает, надеясь, что по нему не видно, что он не спал всю ночь. – Ты поспал?

– Мгм.

– Хорошо. Тебе бы умыться. Баб Мань, можно он хоть руки и лицо у вас в ванной умоет?

Катя осторожно трогает его синяк. Шепчет: «опухло». Пальцы ее оказываются неожиданно прохладными, и Никита ненадолго зависает. Приятно.

Баба Маня явно не в восторге от идеи пустить его в ванную, но, видимо, Катя имеет над ней какую-то власть. Она кивком показывает, куда идти.

Ванная комната такая же жуткая, как и вся квартира. Ободранная краска на стенах, старый протертый пол. Полная корзина белья и раковина, которая выглядит так, будто пережила войну (скорее всего, так и есть).

Никита смотрит в заляпанное каплями воды зеркало.

Синяк реально разросся. Он огромный, темно-фиолетовый, как небо перед грозой.

– Мда, красавец.

Никита не рискует брать кусковое мыло из мыльницы, просто включает воду, зачерпывает пригоршню и моет лицо, которое тут же начинает щипать.

Умывшись, он идет на поиски Кати. Находит ее на кухне,

Она сидит за столом вместе с бабой Маней, перед ними три кружки чая и целая стопка ароматных блинов.

– Садись, поешь, – говорит ему Катя. – Я сама испекла.

Никита садится. Не ждет приглашения дважды. Берет блин, сворачивает трубочкой и практически полностью запихивает его в рот.

И чуть не стонет.

Теплые, сладкие, с маслом. Он не помнит, чтобы когда-нибудь ел что-то вкуснее. Скорее всего, дело в жутком голоде, ведь блины – они и в Африке блины, но он не может

от них оторваться. Даже чаем не запивает.

Берет второй, третий. Катя молча пододвигает к нему сметану.

Бабка косится, но Никита не смотрит на нее – сейчас ему нужно утолить голод.

Он съедает пять штук, прежде чем замечает, что Катя смотрит на него с каким-то странным выражением. Не брезгливым. Не жалостливым. Теплым, что ли.

Ему даже не по себе становится.

– Спасибо, – говорит он.

– Пожалуйста, – Катя улыбается. – Я тут подумала... Есть одно место. Приют для ребят, которые... которым, в общем, негде жить, – она очень аккуратно обходит слово «бездомные». – Там дают ночлег, кормят. Но взамен нужно работать. Помогать сотрудникам – ничего сложного, обычные бытовые вещи.

Никита перестает жевать.

Так. Это уже не входило в планы. Одно дело прожить в таком образе ночь, а совсем другое – пойти поселиться в каком-то приюте для бомжей.

– Я с тобой схожу, со всеми познакомлю, – продолжает Катя. – Там хорошие условия. Я знаю волонтеров, они...

– Нет, – перебивает Никита. Катя замолкает, и ему приходится добавить с кривоватой улыбкой. – Я не слишком хорошо схожусь с людьми.

Это правда. Если точнее – он не слишком хорошо сходит-

ся, блин, с бомжами! И с ролью человека, который вынужден работать за ночлег. Даже ради спора – это чересчур.

Катя смотрит на него. Не отводит взгляд.

– Но куда ты пойдешь?

Никита отодвигает тарелку. Блины больше не лезут. Надо валить. Пока она не придумала еще чего.

– Найду что-нибудь.

Катя молчит. Долго. Потом кивает.

– Ладно, – голос ее становится грустным, между бровей залегает морщинка.

И Никите вдруг становится... даже немного стыдно. Она ж девчонка хорошая. Дура просто, добрая.

– Да ты не переживай, – говорит он и зачем-то обхватывает ее пальцы своей рукой. – Я не пропаду. Ты мне очень помогла, спасибо.

Катя смотрит на его руку, медленно вытягивает из-под нее свою. Прокашливается, словно что-то сверхъестественное произошло.

– Хорошо. Но если тебе будет нужна помощь, ты меня найдешь, идет?

Никита вдруг понимает, что у нее... Очень взрослый взгляд. Взрослый и какой-то... мудрый, что ли, для ее возраста. Сколько ей? Восемнадцать? Девятнадцать?

«Эх, Катька-Катька, – думает он. – Сломаю я тебя. Нафига ты Ваньке на глаза попалась?»

– Идет, – говорит он. – Правда я не знаю, как мне тебя

найти.

Катя достает блокнот, что-то пишет. Никита снова мысленно надеется, что она даст ему адрес своей квартиры, но нет.

– Я по выходным здесь, – она протягивает ему листок. – Это приют для животных. Я там помогаю, почти каждую субботу и воскресенье. А это мой номер телефона. Если тебе будет откуда позвонить...

Она чуть краснеет. Как же ей неприятно намекать ему на его «положение».

Никита берет листок. Пальцы чуть дрожат – от голода, от недосыпа, от всего сразу. Он смотрит на этот номер и понимает... У него есть ее контакт. Есть способ связываться с ней на постоянной основе! Офигеть!

– Спасибо, – отвечает он и встает, потом решает, что надо на всякий поблагодарить и бабушку тоже, мало ли, вдруг она ему заговор на понос наведет. – И вам, баба Маня, спасибо.

Бабушка смотрит на него все тем же немигающим взглядом.

Ванька ржет, как припадочный, пока Никита пересказывает ему всю эту историю в машине. Оказывается, Ванек тоже почти не спал – сидел и палил в окно всю ночь, боясь, что толкнул друга на какую-то опасную фигню.

Но рассказ про бабушкину квартиру доводит его почти до истерики.

– И че?! – умирает он со смеху, вытирает слезы из уголков

глаз. – Стоило оно того?

– Стоило, – Никита срывает с себя, наконец, грязную куртку, а за ней – и свитер тоже. Остается в одной тонкой майке. – Она мне номер дала.

– Кто? Бабка?!

Никита смотрит на Ваньку своим самым разъяренным взглядом.

– Ты придурок? Катя номер дала! Вот, смотри.

Он демонстрирует другу листок, и Ваня становится серьезным.

– Офигеть. Я был уверен, что у нее даже телефона нет. Монашка же.

– Никакая она не монашка. Просто у нее другие принципы и цели.

Ванька долго, пристально всматривается в его лицо (Никита как раз разглядывает в зеркало заднего вида оставленный им синяк).

– А ты уже оправдываешь ее, я смотрю?

Никита возвращает зеркало на место, нервно заводит тачку.

– Никого я не оправдываю. Задолбался просто. Не спал, не жрал. Воняю весь. Иди давай, мне домой надо. Отмыться, отоспаться и подумать.

Ванька намек понимает. Быстро выскакивает из машины, а потом, наклонившись, спрашивает:

– Слышь, Гусев? А прикинь, влюбишься в нее?

Никита смотрит на него, не моргая.

– В кого, в бабу? – передразнивает он друга.

– Ой, иди ты! – обижается Ванька, но тут же расплывается в улыбке. – Ладно, давай. Проспишься – пиши. Интересно, че там у тебя дальше по плану.

Никита кивает ему и торопится убраться из этого двора.

Хватит ему пока приключений.

Глава 6

Суббота у Кати расписана по минутам.

В семь утра она уже на ногах – помогает маме вытащить ковры на балкон, протереть пыль с антресолей, перебрать шкаф. Генеральная уборка в квартире – это ритуал. Мама любит говорить: «Пока в доме порядок, в голове порядок».

Катя не спорит. Ей и самой нравится, когда все блестит, пахнет чистотой, и можно наконец выдохнуть.

В одиннадцать она срывается в магазин – бабе Мане нужно принести лекарства, хлеб, молоко. Это не ее обязательство, но Катя сама не может позволить старушке с ее больными ногами совершать такие прогулки, да еще и возвращаться домой, обвешанной пакетами.

Дел очень много. После бабы Мани Катя бежит на автобус – поскорее доехать до приюта для животных и погулять со своими любимцами. Она курирует трех собак, но особенно ей близок энергичный веселый Джек. Он напоминает ей себя – жизнерадостностью и верой в добро.

Несмотря на то, что голова забита, в мысли все равно почему-то проникает образ... Растрепанные грязные волосы, рваная куртка и... красивый печальный взгляд. Коля исчез так поспешно, что Катя не успела ничего у него спросить, а теперь... Волнуется.

Не должна.

Но от этого невозможно избавиться, его лицо, трясущиеся от голода руки, опущенные под тяжестью жизни плечи – то и дело появляются перед глазами.

Катя мотает головой, отгоняя эти мысли. Она убеждает себя в том, что с ней такое бывает.

Всегда бывает. Она волнуется о каждом, кому помогла. О Павлике из четвертого подъезда, который болеет уже много месяцев. О рыжем коте, которого пристроила перед новым годом. О дедушке на рынке, что продает вязаные носки. Это нормально.

Нормально.

Просто он...

Она вспоминает его лицо. Даже под синяком, даже в грязи – красивое. Слишком красивое. И взгляд тяжелый, но какой-то... живой, что ли. Не потухший, как у других, кто долго на улице.

Катя чувствует, как щеки начинают гореть.

Почему? Прежде такого не было!

Она поворачивается к окну, сидя на переднем сидении в автобусе. Видит свое отражение – горящие глаза, красное лицо. Боже, какой кошмар.

Зачем она вообще об этом думает? О том, как Коля выглядит? Это никогда ее не волновало, есть только одна красота – красота души.

– Вот дура, – шепчет она себе под нос. Пассажирка на соседнем сиденье косится на нее с подозрением.

Катя еще сильнее краснеет и, не выдержав, выходит из автобуса на одну остановку раньше.

Пока идет к приюту, разминает ноги, дышит свежим воздухом позднего мая и улыбается... Глупо, наверное, выглядит со стороны. Но каждый раз, когда ее лицо припекает солнцем, когда на дворе так хорошо и тепло, внутри нее что-то начинает петь.

Наталья – владелица приюта, как всегда, уже здесь. Она улыбается, увидев Катю, зовет ее попить чай, но Катя спешит к Джеку.

Джек – большая рыжая дворняга с висячими ушами, сидит в третьем вольере слева. Увидев Катю, он вскакивает, начинает крутиться волчком, тыкается мокрым носом в решетку.

– Привет, мой хороший, – Катя открывает вольер, запускает руку в жесткую рыжую шерсть. — Скучал?

Джек лижет ей ладонь, и на секунду все становится на свои места.

Все становится ровно так, как должно быть.

Вместе с Джеком Катя берет на прогулку резвую Марусю и ворчливого старика Барбоса. Они уходят на пустырь, где почти никогда не бывает прохожих, Катя оглядывается, проверяя, точно ли никого нет, и спускает собак с поводков.

Джек тут же начинает играть с Марусей, они бегают, таякая, веселые морды светятся счастьем и удовольствием.

Катя садится на небольшой камень и гладит Барбоса по

холке. Он не особо энергичный – годы берут свое. Но ему нравится наблюдать за другими, играющими собаками, как будто они – его дети, а он – строгий родитель, осуждающий их неприличное поведение.

Когда к ней подбегает Джек – с чумазой мордой, уже откопавший какую-то дрянь в земле – Катя смеется, а перед глазами снова картинки:

Спутанные волосы, большой лиловый синяк в половину лица...

– Да черт побери! – выкрикивает Катя, чем пугает Барбоса, и он, нервно вильнув хвостом, идет к «молодежи», и даже пару минут позволяет себе с ними побегать.

Кате становится стыдно.

Удивительное дело, Никита был уверен, что проспит весь день, до самой поздней ночи, но он просыпается уже в обед и больше не может сомкнуть глаз.

Уже отмытый, в чистых вещах, он лежит в своей идеальной комнате, типичной спальне богатого подростка, полной удобств и всей необходимой ему атрибутики, и чувствует себя... странно.

Вчерашнее приключение как будто разожгло что-то внутри него. Азарт, который и так горел, буквально полыхал огнем, теперь практически сжигает его изнутри.

Мысли скачут. Катя, Егор, Ванька, баба Маня, приют, ее номер телефона, написанный на листочке.

Он мог бы ей позвонить, назначить встречу, но что это будет за встреча? И придет ли она?

Без стука в комнату заглядывает мама.

Лицо ее непроницаемо, ни единой эмоции – так всегда бывает, когда она злится, но никак не хочет это демонстрировать.

– Обед готов. Твои любимые стейки.

И тут же уходит.

Никита со стоном переворачивается на живот.

Все из-за синяка.

В маминой вселенной Никита должен был рассказать ей, откуда его получил, чтобы они с отцом могли наказать обидчика.

Так странно. Ему двадцать один, а он все еще заложник своих родителей. У него есть квартира – родители подарили на 18-летие, но жить в ней ему не позволяют.

«Когда будешь взрослым!» – каждый раз говорит отец.

Видимо, в его понимании «взрослый» – это где-то после сорока. Как раз к тому времени Никита достигнет должного уровня самостоятельности.

Госсподи, как же бесит!

Он садится, оглядывает спальню.

Огромное панорамное окно в пол, мягкий ворс ковролина, в котором утопают босые ноги. Большая кровать с ортопедическим матрасом, в углу – кресло-мешок, невероятно удобный, иногда в нем спит кто-то из пацанов, когда остается

на ночь. В углу – турник, маленькое кольцо, в которое Никита забрасывает пластмассовые мячи, лежа прямо на кровати.

Книжный шкаф.

Дверь в гардеробную. Дверь в собственную ванную.

Все сверкает чистотой и стерильностью.

Иногда Никите кажется, это происходит, когда он спит – прилетает фея и беззвучно наводит здесь порядок.

Как-то он проверял – оставил фантик от шоколадки прямо на полу. Ушел в душ. Вернулся, а фантика нет.

Никита закрывает глаза, потом снова открывает.

Если честно... Его все это так достало!

Может, оттуда и этот азарт? Это желание послать все к черту, нарядиться в шмотки бомжа, заставить лучшего друга набить себе рожу, а потом – рыться в помойке? Может, это от скуки и этой вылизанной стерильности?

Мама не выдерживает.

– Обед готов! – повторяет из коридора, уже на тон выше.

Никита вздрагивает.

Удивительно – он совершенно не хочет есть.

Вместо этого идет в гардеробную, находит в стопках вещей домашние серые штаны, которые давно пора было выбросить, так как они все в катышках. И футболку в синей краске – заляпал, когда помогал в универе красить горшки с цветами. Стоя у зеркала, проводит рукой по волосам, взъерошивая их.

– Я пообедаю в городе! – выкрикивает он уже в дверях,

прекрасно зная, какая будет реакция.

Берет ключи от машины и уходит.

Катя гуляет с собаками очень долго. По ощущениям – несколько часов. Когда они, довольные и счастливые, лижут ее лицо, намекая, что пора бы уже возвращаться, чтобы не пропустить кормежку, она берет поводки в руки и неспешно шагает обратно к приюту.

Приют уже всю жизнь.

Наполняет звуками, бряканьем мисок, смехом волонтеров и простых городских жителей, которые, так же как и Катя, помогают в приюте на выходных.

Кто-то чистит вольеры, кто-то – распиливает дрова на маленькие чурки. Дрова пойдут на разведение огня, чтобы приготовить еду для собак в огромных количествах.

Джек, нагулянный и довольный, торопится в свой вольер, к полной миске еды.

Катя смотрит на него сквозь решетку, улыбается, думая о том, как бы ей хотелось забрать его себе... Возможно, в будущем, когда она будет жить одна, она сможет...

Хотя, она никогда и ни за что не оставит маму. А мама против животных в доме.

Но эта мечта – мечта, что когда-то Джек станет полностью ее собакой – греет ее сердце.

– Катя, – слышит она голос местного помощника Степы. – Тебя тут спрашивают.

Она оборачивается, не понимая, и вдруг... видит его. Колю.

Он сидит на корточках перед лохматым псом по имени Щегол. Гладит его за ушами и улыбается.

У Кати перехватывает в груди. Она не ожидала увидеть его здесь, но еще меньше она ожидала увидеть... его улыбку. Такую живую и радостную. Светлую улыбку на светлом, отмытом лице.

Он поворачивается, находит ее взглядом и... У Кати перехватывает дыхание.

Глава 7

Никита впервые в таком месте.

Он никогда не ездил ни в какие приюты, потому что ему это было не интересно. Это и сейчас не является верхом его фантазии, но он очень старается сделать вид, будто ему тут в кайф.

Даже собаку какую-то драную чешет, надеясь только, что не подхватит от нее никакой заразы.

Когда видит Катю – улыбается ей, но тут же морщится от боли. Синяк достиг таких размеров, что любое движение лица причиняет дискомфорт.

– Привет! – Катя не скрывает своего удивления, когда видит его. – Не ожидала, что ты придешь.

– Ну, я здесь почти что свой, – отвечает Никита. – Эти ребята тоже оказались никому не нужны.

Катя никак не комментирует его реплику, но кончики ее ушей чуть краснеют.

Она внимательно рассматривает его, после чего поспешно отводит глаза, садится рядом с псом и тоже принимается гладить его.

Их пальцы разочек соприкасаются, но Катя быстро одергивает руку, будто обожглась.

– Ты лучше выглядишь, – говорит она, бросая на Никиту взгляд.

– Да, я... Пришлось засунуть гордость куда подальше и попроситься на время к одному знакомому...

– Ух ты! Я очень рада! Значит, тебе есть где жить?

– Да... Пока не выгоняют, – Никита улыбается уголком губ. – Вот, дали одежду. Когда устроюсь на работу – найду жилье. Все это – благодаря тебе. Ты помогла мне выйти из кризиса.

Он смотрит прямо на Катю, когда говорит это.

Какой бы уникальной нетакусей она не была – она девчонка. А девчонки обожают лести.

Вот и Катя становится все розовее с каждой секундой, а потом и вовсе встает, вытирая ладони о джинсы.

– Это здорово, Коля, – шепчет она искренне, Никиту все еще немного коробит от этого обращения, но он не подает виду. – Надеюсь, теперь у тебя все наладится.

– Я тоже надеюсь, – он встает, становится прямо напротив Кати, чтобы смотреть в ее лицо. – Слушай, я бы хотел что-то сделать для тебя.

– Не нужно... – смущается Катя.

– Пожалуйста... Это очень важно для меня. Что угодно – хотя бы... Хотя бы, можно провожу тебя домой? Сколько здесь остановок?

– Четыре.

– Отличная выйдет прогулка, как ты считаешь?

Катя мнетя.

Что-то внутри нее отчаянно сопротивляется этой затее.

Если Никита подберется ближе, если ему удастся понять, что именно сидит в ее маленькой доброй душе – он сможет победить ее. Перебороть, сломать, заставить открыть себя.

Он не дышит, пока она думает...

Не дышит и больше не говорит ничего, позволяет ей самой принять это решение. С такими как Катя давление не проканает.

Наконец, она поворачивается к нему и кивает с теплой улыбкой.

– Хорошо.

Они идут очень медленно. Никита старается не думать о том, что ему придется позже вернуться обратно к приюту, ведь он оставил свою машину неподалеку.

А еще – что он в принципе сто лет не ходил пешком, да и не планировал.

Говорить с Катей непросто. Она очень закрытая, постоянно улетает куда-то в свои мысли, и постепенно Никиту это начинает сводить с ума.

Почему?

Почему она закрытая?

Он вроде выяснил, что никакая она не монашка, вроде обычная девчонка, но что с ней тогда не так?

Она как будто отрицает саму мысль о том, чтобы подпускать к себе людей, а если это так – Никите будет очень непросто.

Чтобы хоть что-то уже сказать, Никита спрашивает:

– Могу я иногда тебе писать? Или звонить?

Катя смотрит на него удивленно.

– У тебя есть телефон?

– Тот знакомый, о котором я говорил... Дал попользоваться свой старенький смартфон.

– Здорово, – улыбается Катя, но улыбка ее тут же гаснет.

– Но, пожалуй, лучше пиши мне, если тебе будет нужна моя помощь...

Никита чуть вслух не чертыхается.

Да что это такое?! Впервые он на такую твердолобую натывается! Обычно девчонки чуть ли не сами намекают, чтобы он им написал, да и первые пишут с радостью, а тут смотрите, снежная королева!

– Знаешь, я бы хотел общаться с тобой... – говорит Никита, проглатывая злость. – Как друг. Понимаешь?

Катя поворачивается к нему, потом – смотрит на большое красивое дерево, мимо которого они проходят, и отвечает:

– У меня уже есть друзья.

«Правда?! Неужели?! – внутренне вопит Никита. – Это кто это, интересно? Бабка Маня – старая маразматичка?!»

Но вслух отвечает:

– Я бы хотел войти в их число.

Они уже подходят к ее подъезду, и Никита очень нервничает.

Очень. Если сейчас ничего не решится, Катя снова

ускользнет из его рук, и ему снова придется придумывать очередной повод...

Они останавливаются чуть поодаль, видимо, Катю смущают сидящие на скамейке женщины. Становятся друг напротив друга. Никита вдруг замечает, какие яркие у Кати глаза. Сейчас, когда он может смотреть на нее прямо, не пытаясь прятать взгляд, они вдруг кажутся в три раза ярче, чем вчера.

– Так что? – настаивает Никита аккуратно. – Можно писать тебе?

– Послушай, Коль, я не думаю, что это хорошая идея, я... И вдруг случается то, чего Никита никак не предусмотрел. Случается его ужасная, роковая ошибка.

В кармане штанов начинает звонить телефон. Он звонит и звонит, не замолкая – наверняка мать все еще сходит с ума от того, что он ушел, не пообедав. Никита игнорирует его, но это... Как игнорировать орущего в ухо человека!

Это практически невозможно, и это привлекает внимание всех вокруг.

Он психует. Катя с любопытством поглядывает на его карман.

Никита, правда, пытается отключить звук максимально незаметно, но это домашние штаны спортивного кроя – как только он расстегивает молнию, телефон буквально вываливается из его кармана прямо в руку!

– Извини, я сейчас...

Катя бросает взгляд на телефон.

Медленно сглатывает.

– Это... последний айфон?

Никита не может сдержаться и шепчет «черт» сквозь сомкнутые зубы. После чего отключает звук и прячет трубку обратно в карман.

– Я объясню.

– Не очень-то похоже на «старенький смартфон» твоего знакомого.

– Кать, слушай...

Глаза ее вдруг становятся... Такими холодными. Только что лучились солнцем и теплотой, а теперь...

– Я не хочу, чтобы вор был моим другом, – жестко произносит она и обходит его стороной, шагая к подъезду.

Никита готов задушить сам себя.

Прямо сейчас задушить собственными руками.

Он поворачивается, выкрикивая ей вслед.

– Да я не крал его, Кать!

Но она уже скрылась за дверью, а женщины взирают на него со скамейки с брезгливым осуждением.

Глава 8

– Пс... псс... Ваня, блин!

Ванек оборачивается, и Никита хватает его за локоть, за-
тягивая в нишу под лестницей.

Он пару секунд удивленно пялится, после чего начинает
хохотать.

– Это че за маскарад, Гусев?! От фанаток прячешься?

Понятно, что ему смешно. На Никите ведь кепка, очки,
да еще и черная маска, которую он в кладовке отрыл – еще с
ковидных времен осталась. Он озирается, прячась за Ваню,
хотя он мельче и худее.

– Как будто у меня выход есть. Меня же Катя может уви-
деть! Узнает!

– Ааа. Че у тебя там с ней, кстати?

Никита рассказывает ему последние новости – в том числе
свой прокол с айфоном.

Ванька трет подбородок.

– И что теперь?

– Да фиг знает. Надо как-то отмазаться, откуда у меня та-
кой телефон. Про то, что на помойке нашел, она вряд ли по-
верит.

– Это да.

– Еще и почти половина срока прошла! Егорка уже звонил
пару раз – задолбал.

Никита нервно постукивает ногой.

Вообще вся эта игра становится сильно сложнее, чем он ожидал. Весь этот маскарад, недоверчивая пугливая Катя, да еще и учатся они в одном корпусе, и че ему теперь – на пары не ходить?!

Хорошо, что конец года.

Но, опять-таки, конец года – это зачеты, экзамены, защита курсовой. Не светиться тут вообще не получится.

Вот зараза.

А ведь изначально план с «прикинуться бомжом» казался таким гениальным!

Тем временем Ванька, прислонившись к стенке, кивает, будто додумался до чего-то.

– Слушай, ты можешь, конечно, косить под белого и пушистого, но с такой как Катя нужно быть честным... – Никита вздергивает брови, и Ванька торопится пояснить. – Ну, или сделать вид, будто ты честный... Хотя и не безгрешный.

– А поподробнее?

– Ну ты же мозг! Придумай что-нибудь! И вообще – уже пара началась, ты идешь или как?

– Нет, – Никита выглядывает из своего убежища, проверяя пуст ли коридор. – Мне подумать надо.

– Ладно. Напиши потом...

– Ага.

С Катей творится что-то странное.

Она и сама это понимает.

Она постоянно теряет нить повествования, когда пишет лекцию. Оттого конспект получается рваным, незавершенным. Абзацы прерваны на середине, и Кате приходится оставлять пустое место, чтобы заполнить эти пробелы позже.

– Что с тобой? – спрашивает староста Настя, сидящая рядом.

– М? – Катя поднимает на нее взгляд.

– Ты какая-то... странная сегодня. Плохо себя чувствуешь?

Катя кивает.

Ага. Она плохо себя чувствует.

А точнее – чувствует себя полной дурой, ведь увидела хорошего человека в воре!

Она так никогда еще не ошибалась. Вернее, да, ей попадались люди зависимые, люди, которым приходилось помогать, несмотря на их старые грехи, но почему-то именно история с Колей цепляет за живое.

Она вздыхает, вынимает текстовыделитель из пенала и отмечает подзаголовки в тетради. Получается как-то слишком нервно – полосы кривые, толстые.

– Да боже... – шепчет она, чуть не плача.

– Слушай, так не пойдет, – Настя берет ее за руку, крепко сжимает пальцы. – Я тебя такой никогда еще не видела. После пар идем погуляем, все расскажешь.

Это совсем не в правилах Кати.

Но, наверное, это какой-то нестандартный случай, раз она так себя чувствует. А нестандартный случай требует нестандартного решения.

— Ладно, — соглашается она нехотя. — Но только ненадолго.

— Конечно ненадолго. Понедельник ведь. А завтра зачет.

Катя о зачете не переживает — у нее выходит автомат.

Но она привыкла быть дома вовремя, даже несмотря на то, что мама не устанавливала для нее никакой комендантский час.

Никита не едет домой.

Он остается в машине рядом с универом и продумывает план. И свою речь. На самом деле, Ванек хоть и считается самым тупеньким в их компании, мозг у него работает.

И, пока Никита отсиживается в машине, в голове его все потихоньку становится на свои места.

Да, план не слишком идеальный. И Катя может либо не поверить в его слова, либо просто послать его, не выслушивая. А может, ей будет все равно на любую его отговорку. Но у него хотя бы есть направление, в котором нужно двигаться.

Он смотрит на часы. Потом находит ее расписание, которое сфотографировал на телефон в первый же день. Понимает, что последняя Катина пара вот-вот закончится и быстро, прямо в машине, принимает свой уже почти привычный нищенский образ: снимает куртку, под которой снова та же футболка в краске, в совершенно неудобной позе меняет до-

рогие джинсы на старые, затасканные, с выцветшими коленками.

Выходит из машины и становится неподалеку от входа. Катя пойдет на автобусную остановку, и он ее подкараулит.

Он в голове мысленно проговаривает речь.

Работает над интонацией, даже взгляд репетирует.

Когда видит ее, весь подбирается, натягивает на лицо маску несчастного, разбитого ее недоверием простого бедного паренька. И уже почти шагает в ее сторону, как вдруг понимает – Катя не одна. С ней та самая староста, которую Никита уже видел...

А любой другой человек из универа – это риск, что его узнают.

– Вот черт, – шипит он и прячется за угол, поворачиваясь к дорожке спиной.

Катя проходит мимо, и Никита, глядя ей вслед, понимает, что она очень мило выглядит в джинсовом сарафане поверх белой блузки.

Тут же сам себя обрывает, встряхивая головой.

Мило. Надо же.

Когда это он обращал внимание на что-то милое?

Глава 9

На улице солнечно, но не жарко. Легкий ветерок охлаждает кожу, и Катя вдыхает полной грудью запах наступающего лета, пока они идут по парку с Настей, держа мороженое в руках.

Катя выбрала свое любимое – пломбир безо всяких добавок.

– Присядем? – предлагает Настя.

Они выбирают скамейку в тени. Народу в парке хватает, в основном это студенты, только что освободившиеся после занятий. Многие расположились прямо на траве, обложившись конспектами. Вовсю идет подготовка к экзаменам и зачетам.

Катя ест мороженое, откинувшись на спинку, и думает о том, как же это оказывается сложно – просто взять и освободить мысли.

Сделать их воздушными, легкими, не чувствовать их вес на своих плечах.

– Можно тебя спросить? – поворачивается к ней Настя. Катя кивает. – Почему ты никуда не ходишь с группой?

Катя улыбается, глядя на свой вафельный рожок.

– Как это никуда? Вот сейчас я здесь, с тобой.

– Да, и это первый раз за год. А я про другие мероприятия. Посвящение в студенты, вечеринки, ты даже в поход с нами

не пошла! Почему?

Катя старается выглядеть веселой, чтобы Настя не подумала, будто за этим скрывается какая-то великая тайна. Но уголки ее губ так и тянутся вниз...

– Вы все, наверное, считаете, что я странная?

Настя хочет соврать – это видно по ее лицу, но отказывается от этой идеи. Вместо этого только смотрит извиняющимся взглядом.

– Если честно – да, немного есть.

– Я не из какой-то строгой верующей семьи, если ты об этом, – Катя снова улыбается. – И меня не ограничивают в свободе.

– А что тогда? – искренне удивляется Настя. – Я, честно, впервые встречаю человека нашего возраста, который не любит тусоваться. То есть, я встречала таких, но обычно это ребята, которым сложно контактировать или... У них совсем другие интересы типа музыки, субкультур... Или они в основном тусуются со своими компаниями, и это можно понять, но ты... Ты интересная. И открытая. И вроде не ханжа.

Катя смеется.

Мороженое в рожке начинает потихоньку подтаивать, но ей уже не хочется его есть.

– Я не ханжа, ты права... И раньше я была другой.

– Расскажешь, что случилось? – Настя как будто хочет взять ее за руку, но боится нарушить ее личное пространство.

Катя поворачивается к ней.

В голове, впервые за долгие годы появляется мысль – а может, стоит открыться? Может, стоит наконец хоть кому-то рассказать о том, что с ней случилось? Что сделало ее такой?

Но она тут же отметаёт ее и встряхивает волосами, опять отгораживаясь от приятельницы.

– Когда-нибудь, в другой раз, хорошо?

Настя смотрит на нее печально, но не настаивает.

Кивает, снова возвращаясь к своему мороженому.

Они говорят об учебе. О зачетах, которые предстоит сдать. Даже немного сплетничают о своих одноклассниках, от чего Катя в шоке.

Но ей...

Вдруг становится так невероятно легко!

И так удивительно приятно. Вот так болтать со знакомой девчонкой, как будто они подружки. Она всегда отстранялась от этого. Всегда считала, что ей не нужны друзья в том смысле слова, которое люди в это закладывают, но сейчас... Словно внезапно, из ниоткуда, появляется это желание.

Возможно, это как-то связано с Колей? С тем, что он что-то разбудил в ней, и Катя просто хочет... Взять и открыть кому-то душу, чтобы хотя бы было с кем об этом поговорить? Обсудить? Услышать от человека со стороны, что она не сошла с ума?

– Знаешь, у меня День рождения в конце июня, – говорит Настя, прерывая поток ее мыслей. – Там будут только свои

– всего несколько друзей, и я бы хотела, чтобы ты пришла. Знаю, ты вряд ли согласишься, но время еще есть, и вдруг... Мало ли? Пообещай подумать.

Она смотрит на Катю с нежной улыбкой.

Катя думает о том, что если бы вдруг решилась завести подругу, она хотела бы, чтобы это была такая девушка, как Настя.

– Я подумаю, – говорит она честно, не давая обещаний, но и не оставляя Настю без какого-либо ответа.

Домой она приезжает позже обычного.

После автобуса забегает в магазин – мама попросила купить хлеб и молоко.

По дороге встречает соседа Михаила Ивановича, который, как обычно, клянчит деньги на водку, и идет за Катей почти до самого подъезда, причитая.

Катя жестко отвечает, что на водку денег не даст, и Михаил Иванович останавливается и долго стоит, вслух ругая себя за то, что не додумался попросить на что-то другое.

Катя посмеивается, мотая головой и продолжает идти, когда вдруг видит на лавочке у своего подъезда...

Колю.

Он сидит, грустно сложив руки на коленях, в той же одежде, что и вчера. У Кати екает сердце, но она тут же берет себя в руки и крепко сжимает кулаки, чтобы успокоиться.

Увидев ее, Коля вскакивает.

Она в очередной раз отмечает про себя, какой же он все-таки высокий и... Красивый. Черт побери.

– Катя! – выкрикивает он, делая шаг ей навстречу.

Она хочет пройти мимо, но он загородил собой проход, поэтому ей приходится остановиться.

– Что ты здесь делаешь? – спрашивает она, глядя в сторону.

– Хотел объяснить.

– Придумал объяснение?

– Не придумывал, просто... Выслушай, а потом я уйду. Хорошо? Я всю ночь не спал, переживал.

Он все это таким голосом произносит, что у Кати сердце сжимается.

Это все ее жалостливая натура, чтоб ее!

Она ставит пакет с продуктами и учебную сумку на лавку, обнимает себя руками и говорит как можно жестче:

– Ладно. У тебя две минуты, я спешу.

Если честно – сама себя в этой фразе не узнает. Есть в ней что-то высокомерное и... издевательское.

Коля кивает.

– Слушай, я и правда не крал телефон... Вернее – украл, да, но... У плохого человека.

Катины брови сами собой ползут вверх.

– Интересно, каким образом это оправдывает воровство?

– После того, как ты помогла мне там, у помойки, я не спал. Не мог уснуть у бабы Мани, все думал о своей жизни.

О том, что так больше продолжаться не может... И утром я... Я пошел домой.

Катя бросает на него удивленной взгляд.

– Домой, в смысле...?

– К матери, да. Пошел, чтобы забрать свои вещи... Я ведь тогда вообще без ничего убежал.

Он замолкает – смотрит на Катю, на ее реакцию.

– Продолжай, – снова отворачивается она.

– Не будь такой холодной, слышишь?! – не сдерживается Коля, и у Кати что-то в груди расцветает от его тона.

Даже чуть-чуть по-девчачьи хихикнуть хочется.

Но она сразу же себя приструняет.

– Ты будешь рассказывать или нет? Твои две минуты на исходе.

– Ладно, – кажется, он чуть раздражается, хотя тщательно это скрывает. Кате вдруг начинает казаться, что она – не единственная, кто прячет глубоко внутри свой истинный характер. – В общем, они в отрубе спали оба – уже с утра опохмелились. Я собрал остатки вещей, что нашел. Хотел телефон еще свой найти и ноутбук – когда убегал из дома, не успел их забрать. Но эти скоты, они... пропили все, только одежда моя в шкафу лежала, да и то не вся. Я, в общем, разо-злился сильно. И тут на кухне этот айфон лежит! Не знаю, где они его взяли, скорей всего, отчим сам или украл, или отжал у кого-то, но это его дела... Я взял это в счет своих вещей. Как компенсацию.

Катя поворачивается и смотрит на Колю, не моргая.

Он стыдливо опускает взгляд и стоит так. Ждет вердикта.

– Если он его украл или, как ты говоришь, отжал, это все еще чужая вещь, Коля, – спокойно отвечает Катя.

– Знаю. Но пусть он сам с этим разбирается.

– Его могут искать. Телефон, в смысле... не отчима. Сейчас это легко делается.

– Я думаю, если до сих пор не нашли – не будут.

– Зачем тебе чужое?! – выкрикивает Катя, не выдержав.

– Потому что мое у меня забрали, Кать, – тихо отвечает он.

Коля поднимает на нее глаза, и в них столько боли появляется... Столько искренней боли, что она почти задыхается и со вздохом опускается на лавочку.

Коля садится рядом, но на небольшом расстоянии.

Кате так трудно с ним говорить.

Почему-то...

Возможно, потому что он очень отличается от тех людей, кому она привыкла помогать? Отличается тем, что, несмотря на то, как жалеет себя, не вызывает той самой жалости? Только легкую ее форму, почти неуловимую...

Катя всматривается в его лицо – в потихоньку светлеющий синяк, в полные жизни глаза и...

Вдруг понимает.

У этого парня ТОЧНО все будет хорошо.

Не потому что Катя ему поможет или случится что-то еще.

А словно... ему это судьбой предсказано. Как будто он рожден для того, чтобы жить лучше, чем живет она или все их знакомые.

Он абсолютно точно выйдет из всего этого победителем. У него получится. Без Катиной помощи.

– Ладно, – она трет лицо, в уставшие за день глаза будто песок насыпали. – От меня-то ты чего хочешь?

– Чтобы ты перестала считать меня вором. И... как и говорил... общаться с тобой хочу. Дружить.

У Кати мурашки бегут по плечам. Она врет себе. Безжалостно врет, убеждает, что это все ветер виноват, и вообще...

Но нет же.

Нет. Все дело в его голосе. В тоне, которым он с ней говорит.

Ей нужно отказать ему.

Как она отказала Насте. Как отказывает почти всем людям, которые пытаются сблизиться с ней. Потому что он ничем не лучше других, а, возможно – сильно-сильно хуже, не зря же от него так веет чем-то опасным и таинственным...

Она ДОЛЖНА отказать ему.

Но губы ее сами собой произносят:

– Хорошо. Но ты избавишься от этого телефона. Верни его отчиму. Или в полицию сдай, скажи, что нашел – мне неважно.

Коля смотрит на нее, глаза его вспыхивают.

– Договорились! – говорит он. – Сегодня же верну его. Но

у меня, правда, есть старенький телефон моего знакомого, я не врал! Можно я с него тебе напишу?

Катя закатывает глаза.

– Ладно. Только не слишком поздно! Я в одиннадцать уже сплю.

Она встает, забирает свои вещи и, не прощаясь, уходит.

Что-то сладковатое и теплое растекается у нее в груди, когда она выглядывает в маленькое окошко в подъезде и видит, что Коля все еще сидит на лавочке. Будто ждет, что она вернется.

Глава 10

Егор подрезает Никиту на следующий день, когда он выходит из любимой кофейни со стаканчиком в руке.

Он хватает его за локоть.

– Оппа! Вот ты и попался! А то в универ не ходишь, избегаешь меня? – Егор выдает все это с насмешливой такой улыбочкой.

Никита выдергивает руку.

– Скажи честно, ты тупой? – отвечает он, вздергивая подбородок. – Или на своем боксе мозги отшиб? С какого перепугу мне тебя избегать, ты че, моя бывшая?!

Егор отходит, пряча руки в карманы.

Никита делает глоток кофе, но настроение уже испорчено, и он ставит стаканчик на капот машины, после чего поворачивается к другу.

Егор рассматривает его лицо, снова лыбится, как придурок.

– Это тебя Листьева так изуродовала?

– Ха-ха. Очень смешно, – ёрничает Никита. – Это часть плана.

– И как? Работает?

– Тебя это не волнует.

Никита и сам не понимает, почему злится. Они с Егором дружат с детства. Буквально – ходили вместе в один частный

детский сад. Потом в одну гимназию. И вот, теперь они учатся в университете, в одной группе, и как будто эта дружба пережила слишком многое, чтобы что-то могло произойти.

Но в последнее время Егор невероятно бесит его.

Причин для этого вроде как нет – он ведет себя так, как всегда. Но, возможно, сам Никита слишком напряжен из-за этого пари, и теперь жутко нервничает.

– Меня это очень даже волнует, Никитос, – отвечает Егор, глядя ему в глаза. – Ты в курсе, сколько у тебя времени осталось?

Никита чуть вслух не чертыхается, но вовремя берет себя в руки и просто отводит взгляд. Опирается о дверцу машины, скрещивает руки на груди, надеясь, что выглядит непринужденно.

Нет, ну на кой черт он не увеличил срок хотя бы до месяца?! Это все его самоуверенность. Прошлые девчонки и правда таяли под его обаянием уже на третьи сутки, поэтому он решил, что и с Катей получится.

Но Катя оказалась действительно крепким орешком.

– Я помню, – отвечает ему Никита. – У меня все на мази.

– Ага. Надеюсь. А то я там себе уже шлем присмотрел, думаю, пора заказывать?

Егор подмигивает ему и уходит.

Никита садится в машину, облив себя кофе и показывает другу в спину неприличный жест.

– Крууууто! – выдыхает Ванька, когда Никита протягивает ему свой новенький айфон.

– Слюни подбери. Это на время, потом обратно поменяемся. Это... что такое?

Сам он сидит со стареньким потертым андроидом Ивана, смотрит на него, как на раздавленного клопа.

Жуть какая.

И дело даже не в том, что он старенький.

Дело в том, как этим пользоваться-то, блин?

Никита вертит кирпич так и эдак, тыкает в него. Телефон вспыхивает, даже пытается какие-то приложения загрузить, а потом... зависает. Думает, блин.

– Ты привыкнешь, – отмахивается Ванька, и погружается в изучение крутого Никитино гаджета.

– Ты поаккуратнее давай! – не выдерживает Никита, когда Ваня чуть не роняет айфон на асфальт. – Ему всего два месяца!

– Не бойсь, я мастер аккуратности.

– Да, я вижу.

На Ванькином дроволёте стекло в паутинку, края обколоты, а чехол с рычащим тигром не менялся, наверное, год. Но как раз такой ему и нужен, чтобы Катя сочла его за «своего».

– И че дальше? – Ванька пихает айфон в карман под грустным взглядом Никиты. – Я про план говорю.

– А дальше, Ванёк, ускоренная программа. Очаровать тихоню меньше, чем за неделю. Иначе я труп.

– Да ладно, вы ж не на твою голову спорили.

– На мой новый байк! Это круче моей головы. И стоит больше...

Ванька хохочет, трясет рыжеволосой гривой.

А Никите не до смеха.

У него и правда слишком мало времени.

Нужно брать быка за рога. Хорошо, что теперь у него есть Катин телефон.

Н: Привет. Это Коля.

К: Привет. Поняла.

Н: Чем занимаешься?

К: Готовлюсь к экзамену.

Н: Не хочешь выйти, подышать воздухом, прогуляться?

К: Я уже дышала сегодня. Спасибо.

Н: Ладно, ты же понимаешь, о чем я? Погулять со мной?
Катя молчит.

Очень долго молчит. Никита сидит в машине у Ванькиного подъезда, смотрит на дом напротив и нервно топает кроссовком по коврику.

Он даже принарядился сегодня, надеясь на эту встречу!

Да, свои баленсы надеть не смог – Катя хоть и не самая большая модница города, но он не удивится, если она обладает талантом отличать реальный бренд от голимой пали.

Он нашел у себя относительно простые, зато чистые джинсы, черную худу без логотипа и кеды, которые не вы-

глядят так, будто они стоят тридцатку (хотя они стоят тридцатку). Душиться не стал, но причесался.

Ему важно увидеть ее сегодня.

Именно сегодня, потому что в совокупности с сегодняшним днем до окончания пари у него осталось ровно четыре дня.

Четыре!

И Егор отберет его байк...

А между ним и Катей еще вообще ничего не было. Вообще! С другими жертвами к этому моменту было ВСЁ.

Никита трет лицо. В последнее время он нервничает все сильнее. И дело даже не в байке, что бы он там ни думал. Дело в самом факте проигрыша. В том, что он может допустить это...

Ванькино полено пиликает, и Никита вздрагивает.

К: Извини, я не могу.

Н: Расскажешь, почему?

К: Не хочу тебе врать.

Н: Так не ври. Скажи правду. Ты все еще не доверяешь мне?

К: Дело не в этом. Я уже очень давно ни с кем не гуляла. А в такое время – никогда ни с кем не гуляла.

Н: Как это? Вообще никогда?

К: Вообще.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.